

Фрагмент из романа

Christoph Schlingensief
Ich weiß, ich war's

Verlag Kiepenheuer & Witsch, Köln 2012
ISBN 978-3-462-04242-9

C. 32-41

Кристоф Шлингензиф
Пробовал, знаю

Перевод Елизаветы Соколовой

10 ОКТЯБРЯ 2009, ГАМБУРГ, ТЕАТР КОМЕДИИ

Бессмертие может убивать

Добрый вечер, дамы и господа, я очень-очень рад. Нет, правда, никак не ожидал, что соберется так много людей. Субботний вечер, к тому же только что закончился футбольный матч. 1:0, мы сделали это, Германия остается! Супер! Теперь, конечно, все в этот вечер станет проще, приятней, даже еще приятней, чем можно вообразить. Это мое второе выступление сегодня, и я уже усвоил, что нужно включить запись, чтобы потом точнее отвечать на возможные нападки...

Нет, из времени я выпал. Раньше я нередко говорил со сцены вещи, которые потом рождали бурю. Иногда я так делаю. Хочу следовать своему методу и часто предпочитаю сам на себя нападать, надеясь на снисхождение.

Должен признаться, мне правда приятно снова быть в Гамбурге, ведь «Миссия на вокзале»¹ тогда уже прошла просто потрясающе. Радость жизни, которая пронизывала насквозь, невероятный подъем – сумасшествие. С самого начала, с бенефиса в Драматическом театре. Который закончился, сдается мне, около половины пятого утра, Ирм Херманн и тот тип из «Тагесшау» уже уснули, лежали, как придется, а разные люди из театра давно закончили. Мы провели акцию, которая принесла, как мне кажется, 112 марок. Катастрофа.

Но был хороший момент, как предложил когда-то Бернхард Шютц, нам нужно было вынести шатер со сцены в зрительный зал. Как символ. Символы ведь в театре очень важны. Огонь для всех людей на Земле, которые день за днем надеются на спасение, я уже зажигал в

---

¹ В 1997 г. К. Шлингензиф совместно с гамбургским театром «Шаушпильхаус» провел на вокзале в Гамбурге акцию «Семь дней экстренных вызовов для Германии – Миссия на вокзале» («7 Tage Notruf für Deutschland – Bahnhofsmision»). Акция имела огромный успех, но и подняла волну нападок в прессе. «Bahnhofsmision» (букв. «Миссия на вокзале») – название католической благотворительной организации, оказывающей безвозмездную помощь нуждающимся, особенно из социально незащищенных слоев общества, работает на вокзалах.

«Тунгуске», в первом своем длинном фильме. Такие символы должны помогать нам и потом, в последней фазе, для меня это, конечно, в первую очередь, христианские символы, а ведь есть мусульманские и я не знаю еще какие, ясное дело. Вопрос-то в любом случае остается, правда ли они помогают, сам я сильно в этом сомневаюсь, потому что ведь всякие там изображения конца показывают только людей с собачьими глазами, которые пялятся в Небо в надежде, что что-нибудь произойдет. Что стало с прекрасным, полным жизни Иисусом из катакомб Рима? Там на настенных изображениях он смеется, он одет в белые одежды, он счастлив, доволен собой, отпускает колкости, шутки, выбивает у фарисеев в храме столы – и удивляется, что они смешивают его с дерьмом...

Но все равно: Иисус явно смеется до упаду дни напролет и вовсю веселится с друзьями. И этого-то человека потом превратили в унылый образ, – здесь кровь, там кости, впалые щеки, тонкие ножки, крайняя степень истощения, – который висит на Кресте и страдает. Страшно утомительно, так я думаю. Никто не обязан веселиться, умирая, но невозможно ведь обрубить здесь все концы, если думаешь, вот сейчас я попаду в эдакий Дом скорби, где меня ждут лишь переломанные кости, как в Ксантенском соборе.

Я ведь там вырос, да. В Ксантенском соборе. То есть, я хочу сказать, что много раз в своей жизни бывал в Ксантенском соборе, а) потому что мои родители все время туда ездили и б) из-за римской крепости, которую мы строили на уроках греческого языка. Да-да, я изучал греческий, и даже латынь, всерьез, но это нисколько не помогло. Собственно говоря, я не знаю ни английского, ни французского именно из-за того, что учил греческий и латынь. И еще потому, что наш учитель английского через полгода после начала занятий, будучи пьян вдрабадан, упал в котлован и переломал себе кости. И больше не мог к нам приходиться. Вместо него пришел учитель французского, который занимался с нами французским языком с явной

неохотой, и это было не здорово. К тому же тогда я все равно был настроен против французов, потому что где-то прочитал, что есть такие молодые исследовательницы истории, которые утверждают, будто причиной Французской революции стали мáточные рóжки. Мáточные рóжки, Эрнст Юнгер – вам, конечно, все это хорошо известно. Но на всякий случай коротко повторю: эта та самая спорынья – особого рода плесень и основа ЛСД. Альберт Хофманн (он его и придумал) потом как-то вместе с Эрнстом Юнгером сосал ЛСД или жевал его, откуда мне знать. Во всяком случае, оба они слегка поэкспериментировали. Из этого потом выросли тексты, в которых дело происходит здесь и все-же-не-здесь, там еще насекомые, луна, звезды, сперва совсем маленькие, потом вдруг огромные, и снова все такое маленькое и т.д.

Ну да, Эрнст Юнгер, он никогда меня особенно не вдохновлял – может быть, когда-нибудь я разберусь в нем получше. Посмотрим. Во всяком случае, мне рассказывали, что в конце жизни он, в точности как Моцарт, каждое утро по полчаса купался в ледяной воде. Вот это мне нравится, даже очень. Сам бы я точно никогда так не смог. Даже если бы знал наверняка, что это продлит мне жизнь. Но я хотел рассказать кое-что о спорынье. Итак: мáточные рóжки – это грибы, паразитирующие на злаках, и от них человек становится слегка возбужденным и агрессивным. Что и вызвало Французскую революцию, как утверждают исследовательницы, спорынья и ничего больше. Вот почему я тогда был настроен против Франции. Потому что революции нравятся мне только тогда, когда они совершаются в полном сознании. Хотя об основании государства – это мне рассказывал Александр Ключевский, – оказывается, основать государство удается, только если ты в полном дурмане. Иными словами, невозможно основать государство, просто по-деловому устроившись за столом и заявив, сейчас, мол, мы с тобой создадим государство, потом всякая там торжественная шумиха, и вот, мы – государство. Так не

выходит. Разошлись люди, и привет, на следующее утро все псу под хвост. Нет, нужно пить, пить и пить, тогда наутро все проснутся с тяжелой головой и очень удивятся тому, что основали государство. И никто теперь точно не знает, как там что устроено, вот что важно!

Историю со спорыньей я на самом деле хотел рассказать много позже, но неважно. А ведь у меня замечательные сотрудники, и они мне очень нужны, поскольку я уже не так полон жизни, как раньше. Поэтому Михаэль Гмай, молодой завлит театра из Лейпцига, спасибо ему, написал мне грубый сценарий, что и как должно происходить, например, с чего мне начать. Там, значит, предусмотрено приветствие, и с этим я разобрался, а вот вторым пунктом стоит: Как у меня сейчас дела?

Да, так как же у меня дела?

А так, что всего несколько недель назад закончился медовый месяц. Просто здорово, быть женатым, Айно, моя жена, передает вам всем привет. Она и вправду душой с нами, но вчера перенесла довольно серьезную операцию у дантиста – внимание, новости для бульварной прессы! – щека снова в порядке, опухоль рассосалась, и она будет жить. Но мы и так сейчас возбуждаем безумный интерес у всяких бульварщиков, потому что вокруг нас творятся странные вещи. Многого они не знают, и это к лучшему, но я все-таки вам сейчас расскажу что-нибудь еще про меня, про нас – не думаю, что это помешает. Я тут прочитал, что не следует писать про рак, потому что, мол, некрасиво и людям только мешает. И вроде как ставит под сомнение достоинство умирающих. Такое вот выдают некоторые журналисты. Я только подумал, что шестьдесят книжек про рак при всем желании не испортят кашу из восьми миллионов любовных романов и пяти тысяч книг о новых порше. И конечно, все снова свалят в одну кастрюлю. Мне ведь тоже не нравится, когда иные люди торгуют вразнос своими болезнями, да так, что сил уже никаких нет, а потом еще утверждают, что победили рак. Я просто хочу сказать, что

© 2013 Litrix.de

болезнь сейчас стала частью моей работы, ведь я никогда не разделял работу и жизнь, и поэтому я не могу молчать, когда замечаю, что мысли мои изменились, или что я внезапно сделался инвалидом, или что не могу больше верить в будущее так, как другие люди.

В том, что касается критики, Германия, конечно, сделала просто гигантский скачок вперед по сравнению с другими странами, потому что мы ведь заранее точно знаем, что все идет не так, в корне неверно, что всем на свете двигают деньги, что намерения в любом случае очень странные, и вообще все здесь хуже некуда. Настоящая радость и настоящий восторг в этой стране в дефиците. Лично я всю жизнь – и я могу сказать это с чистой совестью, – боролся за то, чтобы разные вещи в Германии иногда приносили радость, ну или чтобы человек хотя бы иногда с радостью за что-нибудь ратовал. И я верю, многие меня поддерживали, потому что они это чувствовали, и я по-настоящему этим горжусь. Конечно, мы тут же снова получали по голове, но чувство глубоко внутри, оно осталось. Думаю, три главных понятия, к которым мы всегда апеллировали, – это толерантность, нетолерантность и невежество. В первую очередь, невежество. Если человек стал темным, значит, он получил прямо противоположное тому, чего хотел. Даже и сейчас: если человек обращается с другим, как невежда, не хочет слушать его или не находит для него времени, то он уже все, считай, он почти погиб. Я не устаю вести с этим борьбу, и она дает мне силы, много сил. Поэтому: невежды, сюда, пожалуйста, это стимулирует иммунную систему, и сейчас я найду, как это использовать.

Так как же у меня дела? На сей раз отвечу серьезно, и придется сказать, что, к сожалению, после медового месяца у меня опять обнаружили метастазы. Попробуйте себе представить: с некоторых пор у меня внутри появилось нечто, что не хочет умирать. Бессмертие заглянуло ко мне в гости. И это бессмертие может убить – меня. Бог Отец или Господь Бог или как еще его называют, тоже не может

умереть. Но, тем не менее, всемогущ. Как это может быть, что кто-то всемогущ, а вот умереть не может? Ведь умереть может каждый. А Бог не может! Бог бессмертен – очень просто, и мы в самом деле за него рады, поздравляем от всего сердца! Но во мне тоже есть что-то бессмертное, потому что ведь у моего рака нет кнопки, чтобы его выключить, вот другие клетки нигде вокруг выключателя и не находят. А он все продолжается. Собственно говоря, Бог – как рак, он тоже должен все время продолжаться и ничего не может с этим поделаться. И если есть что-то общее между мной и Богом, то это, наверное, боль: боль Бога о том, что он не может умереть, и моя боль о том, что я не могу стать Богом. Эта друг-от-друга-отделенность связывает накрепко.

Вот такие мысли постоянно курсируют в голове. Обо всем этом и еще о борьбе против подливки из католических образов во мне самом я несколько дней назад разговаривал с одним на удивление умным католическим теологом. Иоханнес Хофф его зовут, он преподает в Уэльсе и думает как-то иначе: Майстер Экхарт, Николай Кузанский, деконструкция, радикальная ортодоксия и не знаю, что еще, все вперемешку. Но перемешано прекрасно, очень интригующе перемешано. Слушать интересно, и возникает чувство, что дело-то вовсе не в Боге, да и со святыми ссориться, в общем, незачем: кто всем здесь ведает? Придет Архангел Гавриил? Или мне поможет святой Антоний? А что там со святым Михаилом? И где Змей? В наших головах и вправду много всяких католических образов, мозги у нас, можно сказать, ими затуманены. И это прекрасно работает, если в них верить. Не так давно у нас пропала цепочка, я пообещал святому Антонию денег – и раз-два-три, цепочка снова на месте, ясное дело. Архангел Гавриил тоже, конечно, постарался и свел меня с замечательным врачом. Но если начинаешь полностью зависеть от этого, теряешь самостоятельность, то это ужасно. А ведь именно этого добивается Католическая церковь своей шумихой: она хочет, чтобы

мы потеряли независимость, иначе она бы не придумала свой костюмированный праздник в Риме. Карнавальное шествие в Соборе святого Петра служит, на самом деле, для того только, чтобы сперва затуманить нам головы, а потом выложить козырь: «Ты слеп, ты глуп, ты грешен, но Папа Римский и Церковь видят и знают все». И что? Мне-то что с того, что они все видят, если я сам ничего не вижу? Это же смешно! Тем самым Церковь предаёт христианский образ мыслей. Потому что монополизировала отношения с Богом и со всем великим Творением, лишая человека независимости и умаляя его.

А Йоханнес Хофф говорит как раз, что это глупость, и что Бога таким образом ограничивают. Все эти границы, которые мы как малые личинки христовы постоянно выстраиваем, нелепы: Милостивый Господь, Всемогуший Господь, вечный Бог, милосердный Бог – все это ограничения. Наивные представления малых детей, и мы все это приписываем и присваиваем Ему в своих мыслях, чтобы как-нибудь Его постичь. Потому что сами-то мы только маленькие человечки, и нас радует, когда Бог тоже порой глядит человечно. Но это не работает, если по-честному. Наоборот, это нас губит. И Йоханнес Хофф говорит, нет, это неверно, а Бог – это как раз все и ничто, Ничто чего-то или что-то Ничто – Адорно тоже так говорил. А самое главное, возможно, даже не размышления о потустороннем мире, а маленький кактус на рояле. Такой кактус был для Адорно важнее всего, он это тоже как-то сказал.

И у меня есть такой кактус. Пока что он еще не самое главное для меня, но, может быть, наступит момент, когда я до такой степени освобожусь от напряжения, что останется только этот кактус и я. Тогда придет пора расставаться, я упаду лицом вперед прямо в кактус и просто уйду. Но пока я еще очень надеюсь, что новая компьютерная томография покажет, что никакого рака больше нет. Тогда-то мы и посмотрим.

Опасно вот что: рак хочет измотать человека, он все время так и норовит нанести удар то справа, то слева, а потом неожиданно снова спереди. Такие вещи отнимают невероятно много энергии, настолько, что встает вопрос, а в какую, собственно, валюту все это имело бы смысл перевести. Мне очень повезло, ведь у меня замечательные друзья, в том числе и в разных театрах. Например, Армин Петрас из «Театра Максима Горького». Он как-то сказал мне, просто возьми тексты, которые ты пишешь в больнице, и переработай для сцены. Он даже предоставил мне студию, без всяких условий. Первое представление прошло исключительно для друзей, никто из журналистов ничего не знал. Я испытал невероятное облегчение, сделав этот шаг, сообщив, что я начинаю снова, буду искать пути для самовыражения. Но было и ужасно тяжело, потому что сам себе я, конечно, не верил. Десятилетиями я опять и опять, как положено, звонил в колокол, бросал вызов и драл глотку, я перепробовал все, что можно, и никогда себя не жалел. Отчасти это было прекрасно, отчасти не так уж и прекрасно. И вдруг оказывается, что колокол теперь для меня не так уж и важен. Между тем я наслаждаюсь, когда выезжаю на природу и обнаруживаю: смотри, супер, все червячки, все зверушки в движении, что-то роют, грызут, сосут, пускают ветры, суетятся, все перепахивают – полный бред. И мне не нужно на них орать, они и так все это делают. И без меня тоже. Раньше я на всех орал, носился по всему саду, кричал на цветы, деревья, животных, ну и на людей, конечно, тоже – теперь-то мне, наконец, ясно, что они и без меня будут шевелиться. По крайней мере, яснее, чем раньше. И тогда на какое-то время меня отпускает напряжение, и я могу задать себе вопрос: что же это за жизнь была, которую ты вел до сих пор? Стал ли ты тем, кем хотел, или же просто пытаешься что-то изображать? Что еще ты хочешь сделать? Знаешь ли ты хотя бы, кто ты на самом деле?